

С поэтом Давидом Самойловым я беседовал в Пярну, в Эстонии, летом 1989 года. Сначала я сделал телевизионное интервью для передачи "Зеленая лампа", потом в течение нескольких часов мы говорили обо всем: о поэзии, о войне, о друзьях, о будущем России. После расшифровки магнитофонной ленты получилось 60 страниц текста. Беседу с Самойловым я предполагал опубликовать в журнале "Огонек", где тогда работал. Но задуманное не получилось. А потом, к сожалению, поэт скончался. Да и жизнь, обстоятельства стали резко меняться. Не в лучшую сторону. Общество захлестнуло политическое цунами. Литература, поэзия как бы отодвинулись в тень.

Но настоящее: мысль, слово — пережитое, выстраданное — не пропадает.

Из разговоров с Давидом Самойловым я взял лишь фрагменты. Прошло семь лет, но в его высказываниях почти ничего не устарело. Наоборот: многие ощущения и прогнозы выдержали проверку временем.

Феликс МЕДВЕДЕВ.

О писателе огромного масштаба

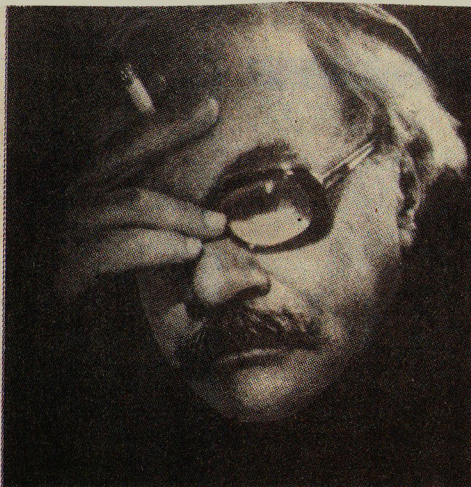
Одной из особенностей нынешней литературной ситуации является ожидание писателя огромного масштаба. Хороших писателей у нас довольно много. И авторитетных, и читаемых, и талантливых. Но надо признать, что авторитета номер один, писателя номер один, который перевернул бы нашу литературу, нет. А как он это сделает, мы не знаем, потому что мы — не он. Я уверен, что он грядет.

Его приходу способствуют два фактора, биологический и социальный. В России не бывало периода, по крайней мере за двести лет существования нашей литературы, чтобы не приходил писатель такой величины. Сейчас в новой уникальной ситуации появилась потребность в большом писателе, который бы аккумуляровал в себе все новые потребности времени, создал бы некую реальную гипотезу дальнейшей жизни. Что такое великий писатель? Писатель, который создает новый тип жизни, новый тип человека. Умный и талантливый человек может сказать о том, что происходит. Но не всякий может сказать, как жить дальше. На это способен великий крупный писатель. Не будем называть его Пушкиным или Толстым. Но я верю, что он придет.

Валяются или не валяются?

В статьях о поэзии есть двойственность: валяются поэты на полках или не валяются. Те, кто не валяется, довольные заявляют, что они не валяются. А те, кто валяется, выдвигают такую казуистическую формулу, что не все сразу доходит до читателей, что, дескать, наоборот, хорошая книга должна полежать, читатель ее найдет и купит.

У нас в стране читатель — необычайно чуткий прибор, он действительно ищет. Попробуйте в каком-нибудь периферийном журнале напечатать одно хорошее стихотворение. Через неделю оно будет в Москве. А если нельзя раздобыть журнал, стихотворение перепечатают, запомнят, переписут и привезут в Москву. Я не верю, что замечательные стихи, напечатанные в журнале, в газете, могут затеряться. В рукописи — да, могут.

Встречи с провидцами

Встр. кнуд. - 1996. - в июле - 46.

Мне говорил Давид Самойлов

Талант угасает, как корова, которую не доят

Какая разница между напечатанным и ненапечатанным стихотворением? Разницы почти никакой: как между бельем, просушенным в ванной и на ветру.

Ориентация на кружок очень портит характер поэта, его самооценку, ибо он не становится предметом всеобщего обозрения и ориентации на большую аудиторию. Он все больше и больше ориентируется на нескольких поклонников. А надо заметить, что несколько поклонников может иметь каждый поэт. Да любой пишущий стихи имеет пять читателей, и если он будет считать, что эти пять читателей самые лучшие читатели страны, то он будет считать себя самым лучшим поэтом самых лучших читателей. Из такой ситуации тоже рождается комплекс. С одной стороны, неуверенность, а с другой — самодостаточность, что в результате, я уверен, отрицательно сказывается на развитии таланта. Талант угасает, как корова, которую не доят. Талант перестает доиться.

О провинции духовной и географической

Переехав в Пярну, я не изменил своего отношения к проблеме провинции в литературе. Провинциалом себя не чувствую, потому что все мои интересы, моя работа и круг моего общения все-таки остаются московскими. Просто мой рабочий кабинет отнесен на полторы тысячи километров. Не более. Считаю, что провинциализм — это не месторасположение писателя, а его мировоззрение. Мировоззрение, и ничто другое. Вот почему мне всегда странно, когда пишут о каком-нибудь писателе, что это писатель воронежский. Как бы с положительной оценкой. Но если он только воронежский, так и гонится только для Воронежа.

О любимых поэтах

В каждое время у меня были разные любимые поэты. Была пора Маяковского. Пора Хлебникова, я одержимо его любил. Потом был Пастернак, вернее, сперва Пастернак, потом Хлебников. Уже где-то в 60-е годы я глубоко восхищался Ахматовой.

Вообще очень люблю поэзию XX века, советскую поэзию. Как-то пытался пересчитать самых любимых, и пальцев не хватило на руках. Было время, когда мне очень нравился Ходасевич. Где-то в ранней молодости был короткий период Мандельштама. Тихонов времен "Орды" и "Браги", Сельвинский был непосредственным учителем нашей группы поэтов. Очень любил Заболоцкого, начального и позднего периодов. Вся моя жизнь — это смена одержимых любовью к поэтам. Молодым надо почаще любить других поэтов.

"Конница" Алексея Эйснера

Хотите назову имя, о котором надо срочно написать? Алексей Эйснер, он умер в 1984 году. Вот слушайте, какие писал он стихи. Давайте я прочитаю вам его "Конницу"...

Судьба этой "Конницы" такова. Когда мы все попали за гра-

ницу, в войну, нам попадались эмигрантские журналы. Ну, в брошенных домах, в разоренных библиотеках. Видимо, там, где жили русские. Прочесть журналы не успевали, да и страшновато было хранить эмигрантские издания. А Слуцкий работал начальником 7-го отделения политотдела армии, работал среди войск противника. Он и догадался из журналов вырезать стихи. Переплел их в книжку, а потом эту книжку подарил мне. Там были эмигрантские стихи Бунина, Цветаевой, масса имен, в их числе Антонин Ладинский, Борис Поплавский... интересная получилась антология. Но особенно мне понравилась "Конница" Эйснера. Уже у Эльбы я спросил Бориса, кто такой Эйснер. Мы никогда не слышали такой фамилии. Он сказал, что он эмигрант, из младшего поколения, попал за границу очень молодым, работал стекломоем в Париже, воевал в Испании, в интербригадах. Дальше его след как бы терялся, потому что он стал адъютантом генерала Лукача.

Где-то в 56—57 годах в Москву приехал из эмиграции Антонин Ладинский. Мы его опекали. Позвал он нас со Слуцким на блины, приходим, а он объявляет: "Сейчас должен прийти Алеша Эйснер". Как? Оказалось, что в сороковом году он приехал в СССР из Испании, и его тут же загребли, до 48-го года держали в Воркуте, а оттуда сослали на вечную ссылку в Казахстан. Он перестал писать стихи, ссылка была для него хуже ареста. И вот появляется Эйснер, молодой, энергичный, интересный такой. Мы выпили. И я говорю: "Алексей Владимирович, хотите, я прочитаю вам ваши стихи?" И читаю наизусть всю "Конницу". Он прослушал и заулыбался: "Ах, эти стихишки, я их уже не пишу..."

Война и правда о Сталине

Как ни крути, Сталин — это очень крупная историческая фигура, связанная с большим периодом истории. И я считаю, что любая книга, в которой было бы правдиво сказано о роли Сталина во время войны, читалась бы нарасхват. Такой книги пока нет. Хотя не могу не отметить, что наиболее интересная часть романа Анатолия Рыбакова "Дети Арбата" — это образ Сталина. А вообще по отношению к Сталину в нашей литературе пережесты и в ту, и в другую сторону. В одной все победы приписывались только Сталину, рисовался тот самый героический образ, с которым мы ходили в атаку с возгласами "За родину, за Сталина!" Потом была полоса молчания, и Сталина чуть ли в годы войны не существовало. Хрущев-де или Брежнев верховодили армией. Но народ-то не обманешь, он все понимает, вот почему ветераны с неудовольствием читают критику о Сталине. Критику весьма поверхностную, без правдивых фактов.

Да, Сталин в начале войны испугался. Так напишите, что испугался. Но потом-то он взял себя в руки, собрался. Каковы были его ошибки в предвоенный период? Чем они были вызваны? Ведь Сталин не просто трусливый или храбрый человек, он — государственный деятель. Ошибки Сталина нужно показывать на реальном историческом фоне, надо пытаться проникнуть в психологию этого сложного и страшного человека, принесшего много зла стране и людям, но который в конечном счете был главным руководителем военного сопротивления. Может быть, чтобы описывать Сталина объективно, время еще не пришло.

Кто написал последнюю былинку

Думаю, спора нет, самый крупный поэт фронтового поколения, это Твардовский. Его "Теркин" — это последняя былина, в которой создан образ национального героя-богатыря. Монументальный образ, написанный огромным талантом. А "Теркин на том свете" — это некий дантевский замысел.

Жанр: "Ахматова хвалится"

Несколько раз, и об этом написано в книгах Лидии Корнеевны Чуковской, Анна Андреевна говорила, что поэты шестидесятых годов — это Тарковский, Петровых и я. Ко мне она относилась очень хорошо, внимательно заслушивала мои стихи, просила почитать. Я ей никогда не навязывался — сама просила. Часто и мне читала стихи.

Все пишут о ней, что была важной и царственной, а на самом деле держала себя ровно и с достоинством. Но в ней была и удивительная простота. Помню, мы как-то были у нее с Володей Корниловым. А тогда о ней много начали писать на Западе. И она очень любила показывать какие-то там интервью и статьи о ней. И вот Корнилов, человек откровенный, и говорит: "Анна Андреевна, уж очень вы любите хвалиться". Анна Андреевна ничего не сказала, не обиделась, она очень любила Корнилова и убрала свои бумажки. В следующий раз я пришел к ней один. Сидим, разговариваем, она снова мне о своих успехах начинает. Потом как бы опомнилась, взяла папку и говорит: "Жанр: Ахматова хвалится".

О месте Бродского

Его место в поэзии бесспорно. Поэт он очень талантливый, весьма причудливый и почти не русский, какой-то иной ориентации, нетрадиционной для русской поэзии. Поэтому одним он трудно воспринимается, другими легко.

Бездарный и себя не понимает

Что важно для поэта? Некая глубина личности. Если она есть, тогда самопознание становится познанием человека вообще, как такового. И поэт может отвечать за все человечество.

Однажды молодая поэтесса попросила меня написать статью о ее сборнике. Я прочитал сборник и сказал ей: "Если хочешь, я напишу вот что: твоя поэзия искренна, абсолютно правдива, но признание инфантильной, неразвитой души мне неинтересно".

Я считаю, что если личность развита, то человек правильно находит в своих недостатках недостатки человечества, а в чужих изъянах — свои. Тогда читать его интересно. Наподобие того, как интересно разговаривать с умным, развитым, образованным, много видевшим человеком. А с человеком глупым, неразвитым, будь он сто раз откровеннее, общаться неинтересно. Потому что он не только нас не понимает, он и себя не понимает. Неразвитость и отсутствие ума — это и есть непонимание себя.